

УДК 1(091)
ББК 87.3(2)522:83.3

Никита Кириллович Сюндюков

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, старший преподаватель кафедры общественных наук, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: nick.syundyukov@gmail.com

**Ф. М. Достоевский и Ж.-Л. Марион:
память в свете понятия *conversio***

Аннотация. Предпринимается попытка концептуального приложения понятий *conversio* и *memoria* к поэтике Достоевского и, в частности, к использованию им приема «внезапного воспоминания». Данные понятия перенимаются из анализа «Исповеди» Бл. Августина, проведенного католическим богословом и феноменологом Жаном-Люком Марионом. Выявлено, что августиновское *conversio* следует понимать в двух смыслах: институционально, как вхождение в Церковь, и феноменологически, как поворот к Церкви. Указывается, что первое значение предполагает укорененность в традиции и психологическую цельность, в то время как второе значение предполагает психологическую раздвоенность и переживание утраты идентичности. Именно феноменологическое значение актуально для прозы Достоевского: автор обосновывает, что оно было концептуализировано Бахтиным в понятии «пороговой ситуации». Ввиду этого аргументируется использование феноменологических методов для уточнения и прояснения тропа памятования в работах Достоевского. С привлечением историко-литературных трудов и применением философских методов анализируется ключевое понятие поэтики Достоевского «вдруг». Доказывается, во-первых, что навязчивый разрыв повествования, который обозначается писателем указанным понятием «вдруг», предваряет трансформацию личности героев, переживаемое ими «изменение ума»; во-вторых, что, хотя «пороговая ситуация» и возможность «изменения ума» оказываются доступны каждому герою Достоевского, далеко не все из них приходят к возможности подлинного обращения, то есть ко вхождению в Церковь. Делается вывод, что разрыв между двумя стадиями обращения, или *conversio*, обусловлен, во-первых, традицией, в которой существует тот или иной герой, и, во-вторых, его собственными возможностями памятования.

Ключевые слова: *conversio*, поэтика Достоевского, прием «внезапного воспоминания», *memoria*, троп памятования, понятие «пороговая ситуация»

Nikita Kirillovich Siundiukov

North-West institute of management, Russian academy of national economy and public administration, Senior Lecturer, Department of Social Sciences, Russia, Saint Petersburg, e-mail: nick.syundyukov@gmail.com

**F. M. Dostoevsky and J.-L. Marion:
Memory in the Light of the Concept of *Conversio***

Annotation. This article attempts to apply the concepts of “conversion” and “memoria” to Dostoevsky’s poetics and, in particular, to his use of the “sudden memory” technique. These concepts are adopted from the analysis of the “Confession” of St. Augustine, conducted by the Catholic theologian and

phenomenologist Jean-Luc Marion. It is revealed that Augustine's "conversion" should be understood in two senses: institutionally, as an entry into the Church, and phenomenologically, as a turn to the Church. It is indicated that the first meaning presupposes rootedness in tradition and psychological integrity, while the second meaning presupposes psychological duality and the experience of loss of identity. It is the phenomenological meaning that is relevant for Dostoevsky's prose: the author substantiates that it was conceptualized by Bakhtin in the concept of a "threshold situation". In view of this, the use of phenomenological methods to clarify the path of remembrance in Dostoevsky's works is argued. With the involvement of historical-literary works and the use of philosophical methods, the key concept of Dostoevsky's poetics "suddenly" is analyzed. It is proved, firstly, that the obsessive break in the narrative, which is designated by the writer by the specified concept of "suddenly", precedes the transformation of the personality of the characters, the "change of mind" they experience; secondly, that although the "threshold situation" and the possibility of "change of mind" are available to every hero of Dostoevsky, not all of them come to the possibility of genuine conversion, that is, to entering the Church. The author comes to the conclusion that the gap between the two stages of "conversion" is due to 1) the tradition in which this or that hero exists and 2) his own capabilities of remembrance.

Key words: cconversio, Dostoevsky's poetics, the technique of "sudden recollection", memoria, the trope of remembrance, the concept of "threshold situation"

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.3.155-167

Характеризуя отношение прозы Достоевского к понятиям пространства и времени, один из ключевых интерпретаторов его творчества М.М. Бахтин отсылает читателя к известному фрагменту из «Сна смешного человека»: «Достоевский почти вовсе не пользуется в своих произведениях относительно непрерывным историческим и биографическим временем, то есть строго эпическим временем, он *“перескакивает”* (здесь и далее курсив наш. – Н.С.) через него, он сосредоточивает действие в точках кризисов, переломов и катастроф, когда миг по своему внутреннему значению приравнивается к “биллиону лет”, то есть *утрачивает временную ограниченность*. И через пространство он, в сущности, перескакивает. <...> Перескакивает он часто и через *элементарное эмпирическое правдоподобие и поверхностную рассудочную логику*» [1, с. 225]¹.

Проблема преодоления «поверхностной рассудочной логики» и «эмпирического правдоподобия» тесно связана с вопросом возможности катарсиса у Достоевского², «перерождения убеждений» у его героев, и, в предельном смысле, с темой *conversio*.

Августиновский термин *conversio* можно понимать институционально, как обращение в истинную религию: «Приведен был я к смущению и к *обращению* (лат. – *convertibar*): я радовался, Господи, что Единая Церковь, Тело Единого Сына Твоего, ...не запикивает Тебя, Творца вселенной, *в пространство, пусть огромное, но ограниченное* отовсюду очертаниями человеческого

¹ См. также об этом: Mendilow A. Time and the Novel. New York: Humanities Press, 1965. 245 p. [2].

² См.: Померанц Г.С. Есть ли катарсис у Достоевского? Обзор неакадемической критики // Открытость бездне. Встречи с Достоевским. 3-е изд., доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013 С. 285–292 [3].

тела». <...> Вскоре после *обращения* (лат. – *conversionem*) нашего и возрождения Крещением Твоим *Ты разрешил его от тела*» [4, с. 118–200]. Уже и в таком, сугубо формальном смысле обращение в христианство, т.е. вход в лоно Церкви, предполагает некое преодоление себя, признание своей ограниченности и в то же время своей потенциальной причастности безграничности Тела Христова. Но августиновское *conversio* можно понимать и в смысле феноменологическом, как способ явленности: «И вот Ты, по пятам настигающих тех, кто бежит от Тебя, ...*обращающий* (лат. – *qui convertis*) нас к себе дивными способами... <...> Ты уже вел меня в глубокой тайне Промысла Твоего и *обращал* (лат. – *convertebas*) лицом к *постыдным заблуждениям* моим, чтобы я их увидел и возненавидел» [4, с. 70–98]. Здесь *conversio* есть обращение не *во* что-то, а *к* чему-то или *к* кому-то, то есть не столько *вхождение*, предполагающее уже случившееся изменение, сколько *поворот*, самое начало действия. Пользуясь характеристикой К.Г. Исупова, «это еще не катарсис, но обетование катарсиса» [5, с. 181].

Заметим, что если *conversio* в смысле вхождения не находит своего отражения в теории Бахтина, отвергающей возможность всякого завершения, то *conversio* как поворот, напротив, вполне согласуется с понятиями «пороговой ситуации» и «диалога». Феноменологически обращение к Богу вполне может быть описано как ситуация открытости или «взаимно освещающихся сознаний»³. Исповедник, обращающийся к Богу, через само это обращение конструирует и одновременно проясняет самого себя. Исповедь есть разговор с другим собой не в меньшей степени, чем разговор с Богом: «Каждая реплика – как молитвенный *самоотчет* (исповедь) и как молитвенное же *самосвидетельство* пред Творцом. Автор предъявляет нам не просто образы метафизики общения, исповедания и самоанализа, но вводит нас в школу метафизического умения ощущать и непосредственно *сознавать себя* равночленным *соагентом* богочеловеческого диалога» [5, с. 181].

Возможность такого внутреннего, феноменологического обращения к Богу – и через Бога к самому себе – отрицается теорией среды, с которой спорил Достоевский в своей публицистике. Ярче всего эта теория выражена в словах Белинского, которые были переданы нам, правда, самим Достоевским – и, очевидно, в полемически искаженном виде: «Знаете ли вы, что нельзя насчитывать грехи человеку и обременять его долгами и подставными ланитами, когда общество так подло устроено, что человеку невозможно не делать злодейств, когда он экономически приведен к злодейству, и что нелепо и жестоко требовать с человека того, чего *уже по законам природы не может он выполнить, если бы даже хотел...*» [6, с. 11].

Кажется, что именно последнюю мысль иронически подчеркивает Достоевский в рассказе «Бобок», который Бахтин противопоставляет «Сну смеш-

³ См.: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 145.

ного человека». Жизнь обитателей кладбища продолжается «как бы по инерции»⁴ – они не могли бы от нее отказаться и стать иными (по отношению к своей жизни и к самим себе), *даже если бы и захотели*. Но что есть источник, перемогатель этой инерции? Очевидно, существование, заданное жизнью предсмертной – или воспоминанием о нем. Можно, однако, возразить, что перед смертью обитатели кладбища жили как бы и не своей жизнью, ибо были связаны «гнилыми веревками»⁵, средой, «подло устроенным обществом», и теперешнее их существование есть как раз-таки воплощение действительной их личности, т.е. полное эмансипирование, оголение себя в «бесстыдной правде»⁶. Но что же в конечном итоге остается от этой высвобожденной правды? Во-первых, желание вернуться к той, прежней жизни, которая, при всех своих «гнилых» условностях, вероятно, все же скрывала возможность как следует «оголиться»: «Нет, я бы пожил, нет, знаете, я бы пожил!»⁷, – восклицает один из обитателей кладбища. И, во-вторых, совершенное разложение, увенчанное одним булькающим звуком – «бобок, бобок, бобок». Не есть ли этот самый «бобок» как раз-таки итоговый жест того самого «обнажения», последний отзвук импульса, задавшего инерцию разложения?

Однако, как показывает нам Достоевский в других своих произведениях, все может быть и иначе. Человек способен освободиться от внешних по отношению к нему детерминант, преодолеть причинно-следственные связи рассудочной логики, сводящие его жизнь к одному лишь «бобку». Как пишет В.Н. Захаров, «герой Достоевского нередко неведом самому себе, непредсказуем не только для читателя, но подчас и для автора. У него всегда есть заветное “вдруг” – неожиданный “переворот” во мнениях и поступках, “перерождение убеждений” – *преображение личности*» [8, с. 33].

Семантически это самое «вдруг»⁸ можно отождествить с обращением как поворотом или пороговой ситуацией. «Вдруг», пишет А.А. Белкин, «означает такую встречу, такое событие, которое играет решающую роль в судьбе человека» [10, с. 129]. Интересно, что катастрофичность и мнимую неестественность «вдруг» у Достоевского Белкин противопоставляет естественному эволюционизму Толстого: «В романах Достоевского мы видим действительность, полную событий исключительных. Это... не мотивированно изменяющаяся

⁴ См.: Достоевский Ф.М. Бобок // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 21. Дневник писателя, 1873; Статьи и заметки, 1873–1878 / тексты подгот. и примеч. сост. А.В. Архипова-Богданова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. С. 51 [7].

⁵ Там же. С. 52.

⁶ Там же.

⁷ См.: Достоевский Ф.М. Бобок // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. С. 52.

⁸ Анализ функционирования слова «вдруг» в работах Достоевского с ссылками на прочие исследования см.: Ружицкий И.В. Текстоборазующая функция слова «Вдруг» в произведениях Ф.М. Достоевского // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 3. С. 18–25 [9]. В частности, исследователь указывает общее количество употреблений «вдруг» Достоевским – 5867 раз.

жизнь героев Толстого. <...> Лев Толстой даже считал, что Достоевский не реалист, потому что у него все ненормально. У Толстого наоборот – все естественно, постепенно, нормально» [10, с. 131–132]. Добавим: все эмпирически правдоподобно, рассудочно мотивированно; невозможны никакие перескоки через пространство и время, ибо сама личность целиком редуцирована до своей исторической ситуации, заданного ему пространства и заданного ему времени. Иными словами, только в прозе Достоевского возможно «вдруг» как радикальное и субстанционально неопишное изменение, возможно явление «расщепления и деперсонализации» как «благословление»⁹. Возможно у Достоевского и связанное с «вдруг» *conversio*, поскольку само это обращение можно понимать только как *внезапное*, т.е. не подчиненное естественным мотивировкам и имманентным причинно-следственным связям. *Conversio* буквально возникает из ничто (*ex nihilo*). «Я обитаю в месте – в себе самом – где я не обретаю себя, где я не у себя дома, где я уже не я сам: изгнанный изнутри себя самого, я уже не там, где я есмь», – пишет французский феноменолог Жан-Люк Марион. «Так *memoria*, – продолжает он, – приводит к забвению, и это радикальное забвение обнаруживает *искусственность* эго» [12, с. 105]¹⁰.

Марион связывает ощущение человеком нетождественности самому себе с работой памяти и забвения. Темы забвения коснемся чуть ниже, а здесь обратимся к теме памяти и ее значению для понимания возможности *conversio* у Достоевского. На наш взгляд, эта тема была детально разработана исследовательницей Д.Э. Томпсон в книге «"Братья Карамазовы" и поэтика памяти»¹¹. Память, по Томпсон, как раз и является способом действительного освобождения личности от всего сугубо внешнего и случайного, *искаженного*¹², не соответствующего *природе* в христианском понимании этого слова, – т.е. не от «гнилых веревок», которые есть следствие *искусственности* (по Мариону) нашего эго, его мнимой тождественности, а от бессознательного рефлекса «бобка». Итак, «когда индивид что-то вспоминает, то это нечто, возникающее в его сознании, является *содержанием настоящего*, уникальным и принадлежа-

⁹ См.: Ямпольская А.В. Предисловие // Марион Ж.-Л. Эго, или наделенный собой / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Панглосс, 2019. С. 21 [11].

¹⁰ См., например: Malcolm N. Three Lectures on Memory, Knowledge and Certainty. Englewood Cliffs, New Jersey, 1964. P. 237–238 [13].

¹¹ См. также об этом: John Antony. Idealism and the Dialectic in The Brothers Karamazov // F.M. Dostoevsky (1821–1881); A Century Collection / ed. Leon Burnett. University of Essex, 1981. P. 109–118 [14]; Belknap Robert L. Memory in The Brothers Karamazov // Dostoevsky: New Perspectives, ed. by R.L. Jackson. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall Publishers, 1984, 227–242 [15].

¹² Здесь интересно хайдеггеровское понимание искажения как попытке детерминировать предмет и тем самым его уничтожить. См.: Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2009. С. 140 [16].

щим *только* индивиду. <...> И в том, что память предпочитает *трансформировать*¹³, а не копировать, проявляется ее сходство с искусством» [18, с. 30].

Далее, «ненамеренные воспоминания производят совсем другое эстетическое и психологическое впечатление, и им отводится в романе значительное место. Достаточно вспомнить, как часто употребляются наречия “неожиданно” и “вдруг”. <...> Спонтанные воспоминания придают ощущение большей *свободы* процессу умственной деятельности героев, освобождая их от *оков настоящего*» [18, с. 30–33].

Однако само явление этого «вдруг», внезапного воспоминания, еще не влечет за собой метанойю, т.е. перемену ума, *conversio* как окончательное вхождение. Рассмотрим два примера внезапных воспоминаний из творчества Достоевского – один отрицательный, где есть *conversio* как обращение, но нет *conversio* как вхождения и совершенного раскаяния, и один положительный, где происходит действительное изменение.

Первый пример – начало повести «Вечный муж»¹⁴. Вельчанинов – условно «хищный» персонаж «парада героев» (термин К.Г. Исупова) Достоевского, которого, при выделении его «сладоэротического» элемента, можно поставить в один ряд с Валковским, Свидригайловым, Версиловым, частично – с Федором Карамазовым и Ставрогиним. Это человек, который успел «широко пожить»¹⁵, который, как и все «широко пожившие люди», обладает «своего рода воспоминаниями»¹⁶. Однако сама внезапная *обращенность* к факту воспоминания предполагает его осмысление, дополнение его ещё чем-то, как это убедительно показывает Томпсон: «Каждое воспоминание по существу оказывается интерпретацией, каждое изображенное воспоминание – реинтерпретацией» [18, с. 30]. Воспоминание никогда не тождественно самому опыту, к которому это воспоминание относится. Но в случае Вельчанинова эта характерность воспоминания еще усиливается тем самым «вдруг». Прежде всего, сама его жизнь, как бы предугадывая интересующее нас воспоминание, «как-то *вдруг* вся изме-

¹³ «Желание противоречиво, желание изменчиво, – но сама эта изменчивость, подвижность и составляет условие возможности *conversio*, радикальной *трансформации* субъекта в качестве *amans*, в качестве *любящего*» [11, с. 32]. «Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, – невозможно. *Закон личности на Земле связывает. Я препятствует*» [17, с. 172].

¹⁴ Насколько нам известно, одним из первых обратил внимание на характерное внезапное пробуждение совести Вельчанинова митр. Антоний (Храповицкий). Интересно, что митр. Антоний сопоставляет факт этого пробуждения с историей молодого Зосимы, тогда еще «легкомысленного офицера», и заключает, что «названные два типа Достоевского [Вельчанинов и Зосима] даже и в эпоху своего легкомыслия не были все-таки злыми людьми: они не могли любить своих проступков» (см.: Антоний (Храповицкий), митр. Словарь к творениям Достоевского. София, 1921. С. 119–120 [19]).

¹⁵ См.: Достоевский Ф.М. Вечный муж // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 9. Идиот; Вечный муж; Наброски 1867–1870. Рукописные ред. / тексты подгот. и примеч. сост. И.А. Битюгова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. С. 5 [20].

¹⁶ Там же. С. 8.

нилась. “Да и вообще всё стало изменяться к худшему!” – эту фразу Вельчанинов с злорадством и часто стал повторять про себя» [20, с. 5]. Вещи, существующие в порядке повседневности Вельчанинова, то есть поддерживающие его «бобочное», инертное состояние или по крайней мере не препятствующие ему, стали забываться. Однако были и «факты» (другое излюбленное слово Достоевского): «всё, что касалось давно прошедшего, всё, что по десяти, по пятнадцати лет бывало даже совсем *забыто*, – всё *вдруг* иногда приходило теперь на память, но с такою изумительною *точностию впечатлений и подробностей*, что как будто бы он вновь их переживал. <...> Дело в том, что всё это припоминавшееся возвращалось теперь как бы с заготовленной кем-то, совершенно новой, неожиданной и *прежде совсем немыслимой* точкой зрения на *факт*» [20, с. 7–8]. Вот оно – предвестие «поворота ума», семантически обозначенное Достоевским «прежде совсем немыслимой точкой зрения».

Остановим наше внимание лишь на одном из этих «фактов» – самом, на наш взгляд, показательном.

«*Вдруг*, например, “ни с того ни с сего” припомнилась ему забытая – и в высочайшей степени забытая им – фигура добренького одного старичка чиновника, оскорбленного им когда-то, давным-давно, публично и безнаказанно и *единственно из одного фанфаронства*. <...> Факт был до того им *забыт*, что даже фамилии этого старичка он не мог припомнить. <...> Он ярко припомнил, что старик тогда заступался за дочь, жившую с ним вместе и засидевшуюся в девках и про которую в городе стали ходить какие-то слухи. Старичок стал было отвечать и сердиться, но *вдруг* заплакал навзрыд при всем обществе. <...> И когда теперь припомнил “ни с того ни с сего” Вельчанинов о том, как старикашка рыдал и закрывался руками как ребенок, то ему *вдруг* показалось, что как будто он никогда и не забывал этого. И странно: ему всё это казалось тогда очень смешным; теперь же – напротив, и *именно подробности, именно закрывание лица руками*» [20, с. 8].

Характерно, что многократное повторение мотива припоминания в семантике «вдруг» и его вариации, взятой Достоевским в кавычки, – «ни с того ни с сего» – сопровождается другим свойством *memoria* – забвением. Почему Достоевский так акцентирует внимание на том, что фигура старика была «в высочайшей степени забыта» и что в то же время Вельчанинов «как будто ... никогда и не забывал его»? Само «вдруг» как семантическое обозначение *conversio* обусловлено забыванием; если мы сознательно удерживаем случившийся факт в своей памяти, то мы держимся причинно-следственного понимания себя, своей завершенности и никакого «вдруг» произойти не может. «Вдруг» берется из ничто, но сознательная самоидентичность «Я» не позволяет присутствия ничто. Здесь работает тот же механизм, что и с упомянутым искусственным удержанием самоидентичности *эго*: как истинное обнаружение себя возможно только в случае открытости к Иному, к Богу, так и истинное припоминание возможно только при условии забвения. Такое припоминание, по Мариону, связано с усилием, рефлексией, само-конструированием:

«Забвение – это еще не утрата памяти, а ее часть; утрата воспоминаний позволяет помнить об утрате как об утрате, позволяет сохранить ее в качестве *невосполнимой утраты, раны, ущерба*» [12, с. 25]. При этом само ощущение утраты указывает не столько на ущербность отдельной личности, сколько на божественный зов, обращенный к ней: «Я славлю Бога, потому что Он ранее воззвал ко мне: “позвал, крикнул и прорвал глухоту мою” (Conf. X, 27, 38). Но мне не дано вспомнить этот зов; он ускользает от моей памяти» [12, с. 24]. Таким образом, с помощью указания памяти на ту собственную часть, которая подверглась забвению, божественный зов вырывает человека из порядка повседневности, где он всецело подчинен своей «бобковой» инерции: «Единственный путь себя (существования) к себе (сущности) состоит в том, чтобы соединиться с незапамятной мыслью, выходящей за собственные пределы» [12, с. 113]. Марион указывает, что само незапамятное, оставаясь в центре нашей личности, тем не менее никогда не было для нас настоящим, ибо никогда не осмысливалось нами, не переходило в разряд памятования, не подвергалось рефлексии. Так и Вельчанинов – в момент происхождения факта со старичком сам факт казался ему смешным и только; Вельчанинов не замечал «закрывания лица руками», оно буквально не существовало для него, не было его настоящим, ибо весь случай понимался Вельчаниновым только как анекдот. Тем не менее факт «закрывания лица руками» пускай *не существовал, но присутствовал* в Вельчанинове – в качестве «прошлого, которое оставалось без настоящего»¹⁷.

Весьма характерна эта особая акцентированность на руках – «именно подробности, именно закрывание лица руками», которая, как кажется, объясняется феноменологией иконографической традиции, описанной о. Павлом Флоренским: «Замечательная подробность: в понятие лика входят вторичные органы выразительности, маленькие лица нашего существа – руки и ноги» [21, с. 135].

Та же акцентированность на руках характерна и для другого интересующего нас фрагмента, другого «исключительного факта»: «Напиши же ты мне картину самую большую, во всю стену, и напиши на ней перво-наперво реку, и спуск, и перевоз, и чтоб все люди, какие были *тогда*, все тут были. <...> Да и другой берег весь мне спиши, *чтоб виден был, как есть*: и церковь, и площадь, и лавки, и где извозчики стоят, – *всё, как есть*, спиши. И тут у перевоза мальчика, над самой рекой, на том самом месте, и беспреречно, чтобы *два кулачка* вот так к груди прижал, к обоим сосочкам. *Беспреречно это*. И раскрой ты перед ним с той стороны, *над церковью, небо, и чтобы все ангелы во свете небесном летели встречать его*. Можешь потрафить аль нет?» [22, с. 319].

Скотобойников Максим Иванович, купец-самодур из рассказа Макара Долгорукого, после того как опекаемый им мальчик совершает самоубийство,

¹⁷ См.: Марион Ж.-Л. Эго, или наделенный собой. С. 103.

«переменился так, что узнать нельзя»¹⁸. Важно, что Скотобойников стремится удержать травматическое событие в памяти в самых мельчайших подробностях: «И церковь, и площадь, и лавки, и где извозчики стоят, – всё, как есть, спиши». Д.С. Лихачев полагает, что требование максимально точного воспроизведения аспектов реальности в целом характерно для всего творческого метода Достоевского: «Устремляясь к действительности и стремясь к конкретному ее воплощению, Достоевский остро ощущал “независимость” существования мира и крайнюю относительность его познания. Относителен, конечно, не самый мир; напротив, мир до ужаса реален и абсолютен, – относительны методы его познания, и это познание не может быть отделено от способов, которыми оно ведется. Поэтому-то и надо сообщать читателю о всех источниках сведений, о всех приемах, которыми эти сведения получены, об их *неточности* и *недостоверности*» [23, с. 183]. И Вельчанинов, напомним, переживает это «конкретное воплощение действительности»: «всё вдруг иногда приходило теперь на память, но с такою изумительною точностию *впечатлений и подробностей*, что как будто бы он вновь их переживал...» [20, с.7].

В воспоминании посредством «изумительной точности впечатлений» сама реальность – и зиждящий ее Бог – вызывает к грешникам, желая показать истинные стороны факта, которые доселе были как бы и немислимы, нереальны. Напротив, инерция имманентного мирозерцания, лишенная возможности *conversio*, вводит человека в боковое состояние, застилает глаза, лишает чуткости, связи с «мирами иными». Старец Зосима поучает, что при утере ощущения этой связи человек «станет к жизни равнодушен и даже возненавидит ее»¹⁹. Вспомним, однако, что Марион говорит об ощущении утери как об указании некоторого присутствия: «Утрата воспоминаний позволяет помнить об утрате как об утрате, позволяет сохранить ее в качестве невосполнимой утраты, раны, ущерба» [12, с. 25]. Именно подобное понимание ущербности позволяет Достоевскому рассуждать о мучительных поисках Бога самоубийцами, грешниками, бунтовщиками, самодурами.

Но что же в конечном итоге обуславливает завершение *conversio* Скотобойникова, явленное в окончательном раскаянии и подвизании на странствия? И что не позволяет случиться этому раскаянию, обращению как вхождению в новое состояние ума в случае Вельчанинова? Выше мы уже отмечали институциональный аспект *conversio* как вхождения в Тело Христово, в Церковь – теперь нам необходимо к нему вернуться.

¹⁸ См.: Достоевский Ф.М. Подросток // Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 13. Подросток / текст подгот. Г.Я. Галаган. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. С. 318 [22].

¹⁹ См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 14. Братья Карамазовы: Роман в 4 ч. с эпилогом. Кн. 1–10 / текст подгот. В.Е. Ветловская, Е.И. Кийко. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. С. 291 [24].

Скотобойников при всем своем самодурстве «много на монастырь жертовал и, когда стих находил, очень о душе своей воздыхал и о будущем веке озабочен был немало»²⁰. Указание на внезапное «нахождение стиха» в начале кажется иронией Макара над показной религиозностью Скотобойникова, но вновь здесь важнее всего именно то, что воздыхать о своей душе Скотобойников начинал в особые моменты, существующие как бы вне и помимо его самодурства. И собственно окончательное его пробуждение происходит не только по причине самоубийства воспитанника, но и при помощи обращения к религиозному тексту: «Приехал к нему сам архимандрит, старец был строгий и в монастыре общежитие ввел. “Ты чего?” – говорит, строго так. “А я вот чего”, – и раскрыл ему Максим Иванович книгу и указал место: “А иже аще соблазнит единого малых сих верующих в мя, уне есть ему, да обесится жернов оселский на выи его, и потонет в пучине морстей” (Матф. 18, 6)» [22, с. 318].

Вельчанинов, напротив, вовсе не обладает никаким религиозным, пускай и данным хотя бы институционально фоном. Он усмехается – хотя и тревожную усмешкой – над самой возможностью признания «высших причин»: «... если только можно так выразиться, если действительно есть причины высшие и низшие...» [20, с. 6]. И за объяснением возникновения чувства этих «высших причин» Вельчанинов обращается не к священнослужителю, а – вполне в «духе века» – к «известному доктору», стороннику естественно-научного подхода: «Он получил в ответ, что факт изменения и даже раздвоения мыслей и ощущений по ночам во время бессонницы, и вообще по ночам, есть факт всеобщий между людьми, “сильно мыслящими и сильно чувствующими”²¹, что убеждения всей жизни иногда внезапно менялись под меланхолическим влиянием ночи и бессонницы. <...> И если, наконец, субъект уже слишком ощущает на себе эту раздвоимость, так что дело доходит до страдания, то бесспорно это признак, что уже образовалась болезнь; а стало быть, надо немедленно что-нибудь предпринять. Лучше же всего изменить радикально образ жизни, изменить диету или даже предпринять путешествие. Полезно, конечно, слабительное» [20, с. 7]. Сколь радикально отличен последний совет доктора от слов архимандрита, апеллирующего к памяти, в ней одной – понятой в религиозном смысле – находящего спасение: «Вспомни, что и ангелы божии несовершенны, а совершен и безгрешен токмо один бог наш Иисус Христос, ему же ангелы служат» [22, с. 318]. И вновь именно указание на несовершенство человека, на его принципиальную ущербность, собственно воспоминание об этой ущербности подводит – пускай и косвенно – Скотобойникова ко спасению, к власовской котомке.

Итак, как было показано выше, *conversio* как возможность «перерождения убеждений» можно понимать в двух смыслах: институциональном – обращение как совершившееся вхождение в Церковь, и феноменологическом – об-

²⁰ См.: Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. С. 314.

²¹ Отголосок «теории Раскольникова».

ращение как поворот, пороговое состояние, внезапное размыкание самооткровенности «Я». *Conversio* институциональное предполагает *conversio* феноменологическое, если вхождение действительно происходит, т.е. происходит искренне; *conversio* феноменологическое, напротив, отнюдь не всегда сопровождается *conversio* институциональным. В пространстве творчества Достоевского феноменологическое *conversio* эгалитарно, оно может произойти – и происходит – с любым человеком, всякому его герою дано это сокровенное переживание «вдруг» как связи с иными мирами. Но завершение *conversio*, понятое институционально, церковно, удастся далеко не всем героям Достоевского, «ибо много званых, а мало избранных» (Мф 22:14).

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 416 с.
2. Mendilow A. Time and the Novel. New York: Humanities Press, 1965. 245 p.
3. Померанц Г.С. Есть ли катарсис у Достоевского? Обзор неакадемической критики // Открытость бездне. Встречи с Достоевским. 3-е изд., доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 285–292.
4. Августин Аврелий. Исповедь / пер. с лат. М. Сергеенко. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 400 с.
5. Исупов К.Г. Эстетическая универсализация катарсиса у Ф.М. Достоевского и Вяч. Иванова // Судьбы литературы серебряного века и русского зарубежья. СПб., 2010. С. 169–182.
6. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1873 год // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / отв. ред. В.Г. Базанов; ИРЛИ. Т. 21. Дневник писателя, 1873; Статьи и заметки, 1873–1878 / тексты подгот. и примеч. сост. А.В. Архипова-Богданова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. С. 5–136.
7. Достоевский Ф.М. Бобок // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / отв. ред. В.Г. Базанов; ИРЛИ. Т. 21. Дневник писателя, 1873; Статьи и заметки, 1873–1878 / тексты подгот. и примеч. сост. А.В. Архипова-Богданова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. С. 41–53.
8. Захаров В.Н. Синдром Достоевского // Захаров В.Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. М.: Изд-во «Индрик», 2013. С. 17–31.
9. Ружицкий И.В. Textoобразующая функция слова «Вдруг» в произведениях Ф.М. Достоевского // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 3. С. 18–25.
10. Белкин А.А. «Вдруг» и «слишком» в художественной системе Достоевского // Статьи и разборы. М., 1973. С. 129–134.
11. Ямпольская А.В. Предисловие // Марион Ж.-Л. Эго, или наделенный собой / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Панглосс, 2019. С. 9–36.
12. Марион Ж.-Л. Эго, или наделенный собой / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Панглосс, 2019. 159 с.
13. Malcolm N. Three Lectures on Memory, Knowledge and Certainty. Englewood Cliffs, New Jersey, 1964. P. 237–238.
14. John Antony. Idealism and the Dialectic in The Brothers Karamazov // F.M. Dostoevsky (1821–1881); A Century Collection / ed. Leon Burnett. University of Essex, 1981. P. 116.
15. Belknap Robert L. “Memory in The Brothers Karamazov” // Dostoevsky: New Perspectives / ed. by R.L. Jackson. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall Publishers, 1984. P. 227–242.
16. Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2009. 382 с.
17. Достоевский Ф.М. Записная книжка 1863–1864 гг. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / отв. ред. В.Г. Базанов; ИРЛИ. Т. 20. Статьи и заметки, 1862–1865 / тексты подгот. и примеч. сост. А.И. Батюто и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. С. 170–179.

18. Томпсон Д.Э. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти / пер. с англ. Н.М. Жуковской и Е.М. Видре. СПб.: Академический проект, 1999. 344 с.
19. Антоний (Храповицкий), митрополит. Словарь к творениям Достоевского. София, 1921. 184 с.
20. Достоевский Ф.М. Вечный муж // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / отв. ред. В.Г. Базанов; ИРЛИ. Т. 9. Идиот; Вечный муж; наброски 1867–1870. Рукописные ред. / тексты подгот. и примеч. сост. И.А. Битюгова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. С. 5–112.
21. Флоренский П. Иконостас // Флоренский П. Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил, Русская книга, 1992. С. 1–174.
22. Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / отв. ред. В.Г. Базанов; ИРЛИ. Т. 13. Подросток / текст подгот. Г.Я. Галаган. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 456 с.
23. Лихачев Д.С. В поисках выражения реального // Вопросы литературы. 1971. № 11. С. 177–183.
24. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / отв. ред. В.Г. Базанов; ИРЛИ. Т. 14. Братья Карамазовы: Роман в 4 ч. с эпилогом. Кн. 1–10 / текст подгот. В.Е. Ветловская, Е.И. Кийко. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 511 с.

References

(Sources)

Collected works

1. Dostoevskiy, F.M. Dnevnik pisatelya za 1873 god [Writers's diary, 1873], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t. IRLI. T. 21. Dnevnik pisatelya, 1873; Stat'i i zametki, 1873–1878* [Complete works in 30 vols. IRLI. Vol. 21. Writer's Diary, 1873; Articles and notes, 1873–1878]. Leningrad: Nauka, 1980, pp. 5–136.
2. Dostoevskiy, F.M. Bobok [Bobok], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t. IRLI. T. 21. Dnevnik pisatelya, 1873; Stat'i i zametki, 1873–1878* [Complete works in 30 vols. IRLI. Vol. 21. Writer's Diary, 1873; Articles and notes, 1873–1878]. Leningrad: Nauka, 1980, pp. 41–53.
3. Dostoevskiy, F.M. Vechnyy muzh [Eternal husband], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t. IRLI. T. 9. Idiot; Vechnyy muzh; Nabroski 1867–1870* [Complete works in 30 vols. IRLI. Vol. 9. Akhmok; Eternal husband; Essays 1867–1870]. Leningrad: Nauka, 1970, pp. 5–112.
4. Dostoevskiy, F.M. Zapisnaya knizhka 1863–1864 [Notebook 1863–1864], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t. IRLI. T. 20. Statyi i zametki, 1862–1865* [Complete works in 30 vols. IRLI. Vol. 20. Articles and notes, 1862–1865]. Leningrad: Nauka, 1980, pp. 170–179.
5. Dostoevskiy, F.M. Podrostok [A raw youth], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t. IRLI. T. 13. Podrostok* [Complete works in 30 vols. IRLI. Vol. 13. Teenager]. Leningrad: Nauka, 1975. 456 p.
6. Dostoevskiy, F.M. Bratya Karamazovy [Brothers Karamazov], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t. IRLI. T. 14. Brat'ya Karamazovy: Roman v 4 ch. s epilogom. Kn. 1–10* [Complete works in 30 vols. IRLI. Vol. 14. The Brothers Karamazov: A novel in 4 part with an epilogue. Books 1–10]. Leningrad: Nauka, 1976. 511 p.
7. Florenskiy, P. Ikonostas [Iconostasis], in Florenskiy, P. *Izbrannyye trudy po iskusstvu* [Selected works on art]. Saint-Petersburg: Mifril, Russkaya kniga, 1992. 365 p.

Individual works

8. Avgustin Avreliy. *Ispoved'* [Confession]. Saint-Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2020. 400 p.
9. Bakhtin, M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Saint-Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. 416 p.

10. Belkin, A.A. «Vdrug» i «slishkom» v khudozhestvennoy sisteme Dostoevskogo [“Suddenly” and “too much” in Dostoevsky's artistic system], in *Stat'i i razbory* [Articles and analyses]. Moscow, 1973, pp. 129–134.
11. Khaydegger, M. *Parmenid* [Parmenides]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2009. 382 p.
12. Marion, Zh.-L. *Ego, ili nadelemmy soboy* [Ego, or endowed with self]. Moscow: Pangloss, 2019. 159 p.
13. Yampol'skaya, A.V. Predislovie [Preface], in Marion, Zh.-L. *Ego, ili nadelemny soboy* [Ego, or endowed with himself]. Moscow: Pangloss, 2019. 159 p.

(Articles Scientific Journals)

14. Likhachev, D.S. V poiskakh vyrazheniya real'nogo [In search of the expression of the real], in *Voprosy literatury*, 1971, no. 11, pp. 177–183.
15. Ruzhitskiy, I.V. Tekstoobrazuyushchaya funktsiya slova «Vdrug» v proizvedeniyakh F.M. Dostoevskogo [The text-forming function of the word “Suddenly” in the works of F.M. Dostoevsky], in *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 2011, no. 3, pp. 18–25.

(Monographs)

16. Antoni (Khrapovitskiy), mitropolit. *Slovar' k tvoreniyam Dostoevskogo* [Dictionary of Dostoevsky's Works]. Sofiya, 1921. 184 p.
17. Belknap, Robert L. “Memory in The Brothers Karamazov”, in *Dostoevsky: New Perspectives*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall Publishers, 1984, pp. 227–242.
18. Isupov, K.G. Esteticheskaya universalizatsiya katarsisa u F.M. Dostoevskogo i Vyach. Ivanova [Aesthetic universalization of catharsis in F.M. Dostoevsky and Vyach. Ivanov], in *Sud'by literatury serebryanogo veka i russkogo zarubezh'ya* [Fate and Literature of the Silver Age and the Russian Abroad]. Saint-Petersburg, 2010, pp. 169–182.
19. John Antony. *Idealism and the Dialectic in The Brothers Karamazov*. F.M. Dostoevsky (1821–1881); A Century Collection. University of Essex, 1981, p. 116.
20. Malcolm, N. *Three Lectures on Memory, Knowledge and Certainty*. Englewood Cliffs, New Jersey, 1964, pp. 237–238.
21. Mendilow, A. *Time and the Novel*. New York: Humanities Press, 1965. 245 p.
22. Pomerants, G.S. Est' li katarsis u Dostoevskogo? Obzor neakademicheskoy kritiki [Does Dostoevsky have catharsis? Review of non-academic criticism], in *Otkrytosť bezdne. Vstrechi s Dostoevskim* [Openness to the abyss. Meetings with Dostoevsky]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2013, pp. 285–292.
23. Tompson, D.E. «Brat'ya Karamazovy» i poetika pamyati [«The Brothers Karamazov» and the poetics of memory]. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 1999. 344 p.
24. Zakharov, V.N. Sindrom Dostoevskogo [Dostoevsky syndrome], in Zakharov, V.N. *Imya avtora – Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [The author's name is Dostoevsky]. Moscow: Izdatel'stvo «Indrik», 2013, pp. 17–31.